

А.В. Жадан*

**ОРГАНИЗАЦИЯ ЛАГЕРЕЙ НКВД
ДЛЯ ЯПОНСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ
НА ТЕРРИТОРИИ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ
В АВГУСТЕ–ДЕКАБРЕ 1945 г.
(ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВОВ НКВД–МВД)**

A.V. Zhadan

**ORGANIZATION OF NKVD CAMPS FOR JAPANESE
PRISONERS OF WAR IN THE TERRITORY OF THE
KHABAROVSK KRAI IN AUGUST–DECEMBER 1945
(ACCORDING TO THE MATERIALS
OF THE NKVD–MVD ARCHIVES)**

Аннотация. История пребывания японских военнопленных в лагерях НКВД (МВД) на территории СССР вообще и в Хабаровском крае в частности представляет собой сложный и в настоящее время неоднозначно интерпретируемый предмет научного исследования. В данной статье на основе впервые вводимых в научный оборот материалов, хранящихся в архиве УМВД по Хабаровскому краю, анализируется ход развертывания в регионе осенью–зимой 1945 г. сети лагерей для военнопленных и интернированных лиц. Документы дают информацию о структуре лагерной сети, штатах сотрудников, их укомплектованности. Материалы проверок и приказы о дисциплинарных взысканиях позволяют составить картину условий проживания и труда военнопленных, их обеспечения продуктами, предметами первой необходимости, медицинском обслуживании и т.д. Архивные материалы НКВД позволяют восстановить историю формирования лагерной сети для военнопленных японцев на территории Хабаровского края, учитывающую особенности деятельности органов НКВД в ее региональном срезе, видение возникающих проблем руководством краевого УНКВД и действий, предпринимаемых для их решения. Реализуя задачи по размещению военнопленных, органы НКВД края столкнулись с комплексом проблем, связанных с нехваткой квалифицированных кадров,

* *Жадан Александр Владимирович*, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры тактико-специальной, огневой и физической подготовки Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России

Zhadan Alexandr Vladimirovich, PhD Candidate in History, Senior Lecturer, Department of Tactical, Firing and Physical Training, Vladivostok College, Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

awzhadan252@mail.ru

отсутствием необходимых материально-технических ресурсов, сжатыми сроками, обусловленными наступлением холодов, неожиданно большим количеством пленных. Результатом стала неблагоприятная ситуация в местах содержания военнопленных, рост заболеваемости, обморожений, большое число побегов. Среди личного состава лагерей имели место нарушения служебной дисциплины и законности: несоблюдение режима охраны, пьянство, незаконное изъятие вещей у пленников японцев. Вместе с тем исследованные документы показывают, что тяжелое положение пленников японцев не было проявлением репрессивного, злонамеренного характера действий органов НКВД. Руководство последних принимало максимальные усилия по обеспечению надлежащих условий содержания пленников, организации питания и медицинской помощи, а также по пресечению незаконных действий со стороны личного состава лагерей.

Ключевые слова: Вторая мировая война, японские военнопленные, Хабаровский край, органы НКВД, лагеря НКВД для военнопленных, побег японских военнопленных

Abstract. The history of Japanese prisoners of war held in NKVD (MVD) camps in the territory of the USSR and particularly in Khabarovsk Krai is complex and ambiguously interpreted. This article introduces into scholarly use the materials deposited in the archive of the regional office of the Ministry of Internal Affairs in Khabarovsk Krai and analyzes the progress of implementation of the camps for prisoners of war and internees in the region in the fall and winter of 1945. The documents provide information on the structure of the camp network and its staffing. Inspection materials and disciplinary sanction orders allows us to study the living and working conditions of prisoners of war, their food supply, provision of basic necessities, medical care, etc. The NKVD's archival materials help reconstruct in detail the history of the formation of the camp network for Japanese prisoners of war in Khabarovsk Krai, taking into account the peculiarities of the NKVD's activities in the region, and reveal the vision of the problems of the regional NKVD's administration and the actions taken to solve them. While accommodating prisoners of war, the regional NKVD's authorities faced a set of problems related to the lack of qualified personnel, necessary material and technical resources, as well as tight deadlines before the cold weather came on and an unexpectedly large number of prisoners. This led to an unfavorable situation in the places of detention of prisoners of war, an increase in morbidity, the damage of frostbite, and large number of escapes. Among the personnel of the camps, there were violations of discipline and delicts: incompliance with the security policy, drunkenness, illegal seizure of Japanese prisoners' items. Nevertheless, the documents under examination show that the plight of Japanese prisoners was not due to the repressive and malicious actions of the NKVD; its authorities made maximum efforts to ensure proper conditions of the prisoners' detention, normal food supply and medical care, as well as to stop illegal actions by the camp personnel.

Keywords: World War II, Japanese prisoners of war, Khabarovsk Krai, NKVD, NKVD camps for prisoners of war, escapes of Japanese prisoners of war.

Организация и деятельность лагерей для военнопленных японцев на территории Хабаровского края является неотъемлемой частью послевоенной истории СССР (в ее региональном срезе), с одной стороны, и истории органов НКВД — с другой. В отечественной историографии это сложный и в настоящее время неоднозначно интерпретируемый предмет научного исследования. Перед исследователем стоит непростая задача установления фактологической картины и объективной оценки процессов, происходивших в регионе, в связи с прибытием десятков тысяч военнопленных, необходимостью их размещения, охраны, организации труда и быта, питания, медицинского обслуживания и т.д.

Важное значение для решения этих задач имеет анализ и введение в научный оборот неопубликованных ранее источников, в том числе — носивших до недавнего времени закрытый характер. Источниковой базой данной статьи послужил корпус документов Управления НКВД Хабаровского края (далее — УНКВД по ХК), охватывающий период с конца августа по декабрь 1945 г. Специфика изученных нами документов состоит в том, что основная их часть изначально носила характер совсекретных и секретных приказов (рассекречены в период с 2015 по 2019 г.)¹, предназначенных для внутреннего использования (в рамках краевого УНКВД). Эта особенность, конечно, не позволяет говорить об их абсолютно объективном характере, однако такого рода источники в меньшей степени несут на себе ведомственный субъективизм или желание приукрасить ситуацию, характерные, например, для документов, предназначенных для политико-партийного руководства страны.

Следует отметить, что в настоящее время имеется обширная историография, посвященная вопросам организации и деятельности системы лагерей НКВД для военнопленных, действовавшей в различных регионах СССР во время Второй мировой войны и в послевоенные годы², в том числе — нахождению японских военно-

¹ Архив Управления МВД по Хабаровскому краю (далее — АУМВД по ХК). Ф. 40. Оп. 1. Д. 124, 125, 127.

² См., например: Региональные структуры ГУПВИ НКВД–МВД СССР. 1941–1951: Отчетно-информационные документы / Сост.: М.М. Загоруйко (рук.), С.Г. Сидоров, Н.С. Тархова, Е.М. Цунаева; под ред. М.М. Загоруйко. Волгоград, 2005; Сидоров С.Г., Цунаева Е.М. Основные положения для разработки базы данных по лагерям для военнопленных НКВД–МВД СССР // Вестник Волгоградского гос. университета. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2007. № 12. С. 138–142; Ходяков М.В. Иностранцы военнопленные Великой Отечественной войны в лагерях НКВД–МВД Эстонии 1944–1949 гг. СПб., 2016.

пленных в СССР³. Растет внимание исследователей и к различным аспектам истории правоохранительных органов Дальнего Востока в 1941–1945 гг.⁴

Имеющиеся источники дают возможность взглянуть на некоторые аспекты истории пребывания японских военнопленных на территории Хабаровского края⁵ сквозь призму деятельности органов НКВД. Рассматриваемый нами хронологический период — чуть более четырех месяцев (с последних чисел августа по декабрь 1945 г.) — небольшой. Однако именно в это время вскрылись основные проблемы и были заложены основы организации и деятельности системы лагерей НКВД для военнопленных в Дальневосточном регионе.

Весь массив информации, представленный в документации органов НКВД по исследуемой нами проблематике, может быть условно, для удобства анализа, разделен на три блока: 1) организационно-штатные мероприятия, связанные с развертыванием сети лагерей для военнопленных; 2) обеспечение режима секретности, дисциплины среди личного состава, пресечение побегов пленных; 3) условия содержания военнопленных.

Прежде всего решение задач по размещению военнопленных предполагало реализацию комплекса организационно-штатных мероприятий.

На основании приказа НКВД СССР № 00991 от 27 августа 1945 г., начальником УНКВД по ХК был издан ряд приказов, положивших начало формированию Отдела по делам о военнопленных и интерни-

³ См., в частности: *Бондаренко Е.* Иностранцы военнопленные на Дальнем Востоке России 1914–1956 гг. *Историография проблемы // Россия и АТР.* 2003. № 1 (39). С. 99–113; *Ким С.П.* Японские военнопленные на территории Советского Союза (1945–1956 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2016; *Серебренников С.В.* Авторефераты диссертаций о японских военнопленных в СССР (1945–1956 гг.) как историографический источник // *Историческая и социально-образовательная мысль.* 2016. Т. 8. № 6-2. С. 66–73.

⁴ См., например: *Жадан А.В.* Милиция Приморья в годы Великой Отечественной войны: к вопросу об историографии проблемы // *Великая Отечественная и Вторая мировая войны: дальневосточное измерение: мат. междунар. форума, посвященного 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне и окончанию Второй мировой войны, Владивосток, 19–21 октября 2015 г.* Владивосток, 2015. С. 128–135; *Шабельникова Н.А., Жадан А.В.* На страже закона: дальневосточная милиция в годы Великой Отечественной войны // *Исторические чтения на Лубянке. Отечественные спецслужбы в войнах и вооруженных конфликтах XX века (к 75-летию Великой Победы), мат. XXIII междунар. научной конференции.* М., 2019. С. 343–350.

⁵ В рассматриваемый период Хабаровский край включал территории современных Амурской и Сахалинской областей, Еврейской автономной области, Чукотского автономного округа и Камчатского края.

рованных (далее — ОПВИ) при УНКВД края (Приказы начальника УНКВД Хабаровского края № 00108 от 30 августа 1945 г. и № 00112 от того же числа⁶) и аналогичного отделения при УНКВД Амурской области, включавшего по штату 12 сотрудников (Приказ начальника УНКВД Хабаровского края № 00113 от 30 августа 1945 г.⁷). Главой краевого ОПВИ был назначен подполковник А.П. Трифонов. В соответствии со штатным расписанием, отдел включал восемь отделений: общее отделение, выполнявшее функции секретариата (3 чел.); первое отделение, отвечавшее за охрану, режим и боевую подготовку (5 чел.); второе — учетное (4 чел.); третье — квартирно-эксплуатационное (4 чел.); четвертое — санитарное (4 чел.); пятое — отделение трудоустройства (3 чел.); оперативное отделение (7 чел.); политотделение (3 чел.) и отдел снабжения (10 чел.), включавший отделение подсобного хозяйства и комендантское отделение.

Изначально серьезной проблемой стала нехватка кадров, прежде всего, обладавших определенной квалификацией: медиков, переводчиков, опытных оперативных работников, управленцев, тыловиков и т.д. Из 44 штатных должностей краевого ОПВИ на момент издания приказа вакантными являлись 29. Например, в оперативном отделении была замещена лишь одна должность из 7, в отделе снабжения 2 из 10, а санитарное отделение было не укомплектовано полностью: не имелось врачей, фармацевта, ветеринара и переводчика. 6 должностей были укомплектованы сотрудниками, находящимися в резерве Отдела кадров УНКВД по ХК, остальные были переведены с других должностей.

Лишь к началу декабря 1945 г. удалось в целом укомплектовать краевой ОПВИ (при этом не замещенными оставались еще 9 должностей, т.е. 20,4%)⁸. Однако даже относительно укомплектованный ОПВИ не в полной мере справлялся с колоссальным объемом возложенных на него задач, что признавало само руководство краевого УНКВД: «существующие штаты не обеспечивают в полной мере практическую деятельность Отдела»⁹. Кадровому кризису в немалой степени способствовали неверное прогнозирование количества военнопленных в предвоенный период лета 1945 г. По-видимому, руководство НКВД не рассчитывало, что пленных будет настолько много, следствием чего стало неоднократное расширение сети лагерей и увеличение штатов необходимых сотрудников.

⁶ АУМВД по ХК. Ф. 40. Оп. 1. Д. 124. Л. 144–150 об.

⁷ Там же. Л. 151–152.

⁸ АУМВД по ХК. Ф. 40. Оп. 1. Д. 125. Л. 118–125.

⁹ Там же. Д. 127. Л. 186.

Одними из первых на территорию Хабаровского края прибыли взятые в плен маньчжурские генералы и министры, которые, в соответствии с указанием наркома НКВД СССР Л.П. Берии, были размещены в г. Хабаровске, в помещении, ранее занимаемом республиканскими курсами МПВО. Так был организован Спецобъект № 45. К прибытию высокопоставленных пленных начальнику Стройотдела УНКВД Теличкину предписывалось в срок до 12 сентября 1945 г. силами заключенных выполнить в предназначенном помещении необходимый ремонт (Приказ начальника УНКВД Хабаровского края № 00114 от 1 сентября 1945 г.¹⁰).

На основании приказа НКВД СССР № 00651 от 8 июня 1945 г. в начале сентября 1945 г. в Хабаровском крае началось формирование штатов Хабаровского, Амурского, Райчихинского, Оборского, Комсомольского, Нижне-Амурского, Сахалинского и Бушуйского управлений лагерей НКВД для военнопленных и интернированных лиц¹¹ (Приказы начальника УНКВД Хабаровского края № 00117 от 4 сентября 1945 г.¹² и № 00124 от 12 сентября 1945 г.¹³).

По состоянию на 4 октября 1945 г. в лагере № 16 содержалось 14 650 военнопленных; лагере № 17 — 9800; лагере № 18 — 15 500; лагере № 19 — 12 000; лагере № 20 — 13 900; лагере № 21 — 5500; лагере № 22 — 3000¹⁴.

Руководство управлений состояло из начальника и трех его заместителей: по оперативной работе, по производству и по снабжению. Исключение составляло Управление Бушуйского лагеря, где штат был самым малочисленным.

Структура управлений включала: канцелярию; группу кадров; политаппарат; оперативный отдел, планово-производственный отдел, отдел снабжения, санитарный отдел, учетное отделение, отделение охраны и режима, финансовое отделение, отдельно числились ветеринарные фельдшеры.

Оперативные отделы, в свою очередь, включали: 1-е отделение (агентурное), 2-е отделение (следственное), 3-е отделение (по антифашистской работе). Планово-производственные отделы включали: 1-е отделение (трудового использования), 2-е отделение (производ-

¹⁰ Там же. Д. 124. Л. 153–154.

¹¹ Приказом начальника УНКВД Хабаровского края № 00123 от 12 сентября 1945 г. Хабаровскому лагерю был присвоен номер 16, Оборскому — № 17, Комсомольскому — № 18, Райчихинскому — № 19, Амурскому — № 20, Нижне-Амурскому — № 21, Сахалинскому (Охинскому) — № 22. (АУМВД по ХК. Ф. 40. Оп. 1. Д. 124. Л. 182).

¹² АУМВД по ХК. Ф. 40. Оп. 1. Д. 124. Л. 159–177.

¹³ Там же. Л. 183–185об.

¹⁴ Там же. Д. 127. Л. 119–128.

ственно-инспекторское), учетно-плановую группу, группу ширпотреба. В структуру отдела снабжения входили: отделение продфуражного снабжения, отделение обозно-вещевого снабжения, квартирно-эксплуатационное отделение, арттехснабжение, отделение транспорта. Санитарные отделы включали центральную амбулаторию, лабораторию, аптеку с аптечным складом, лазарет.

Штаты структурных подразделений были немногочисленными. Например, штат следственных отделений Хабаровского, Амурского, Сахалинского лагерей состоял из одного старшего следователя (в остальных лагерях было по три сотрудника). Из одного-двух инспекторов состояли группы кадров. Такое подразделение как политаппарат, несмотря на громкое название, включало одного инструктора, а арттехснабжение — одного оружейного техника или оружейного мастера. Отделения охраны и режима насчитывали по штату от 22 до 31 сотрудника (что совсем немного, учитывая сменный режим несения службы).

Значительную часть служебного персонала управлений лагерей составляли сотрудники санитарных отделов (врачи, фармацевты, медсестры, лаборанты, санитары, дезинфекторы, обслуживающий персонал), в среднем около 25%. Так, в Хабаровском и Амурском лагерях численность санитарного отдела составляла 28 человек, при общем количестве штатных должностей в 118 единиц. В Райчихинском лагере этот показатель составлял 45 из 169 человек; в Оборском и Комсомольском 45 из 161; в Нижне-Амурском и Сахалинском 22 из 102 сотрудника; в Бушуйском 17 из 84.

В целом нужно отметить, что медицинскому обеспечению военнопленных изначально было уделено большое внимание. Так, лазареты Хабаровского и Амурского лагерей были рассчитаны на 300 коек, Райчихинского, Оборского и Комсомольского на 500, Нижне-Амурского и Сахалинского на 200 коек. В малочисленном Бушуйском лагере имелось 100 коек.

Поскольку численность прибывающих на территорию Хабаровского края японских военнопленных оказалась намного выше изначально рассчитанной, происходит расширение сети лагерей НКВД для военнопленных и интернированных лиц: начинают формироваться управления лагерей № 1 (г. Комсомольск-на-Амуре), № 3 (г. Райчихинск), № 4 (станция Известковая Дальневосточной железной дороги), № 5 (г. Комсомольск-на-Амуре) (Приказ НКВД СССР № 001026 от 08 сентября 1945 г.).

Лагерь № 1 был рассчитан на 30 000 человек, имелся лазарет на 600 коек. В штате состоял 181 сотрудник, из которых 52 человека — сотрудники санитарного отдела. Лагерь № 3 на 10 000 человек распо-

лагал лазаретом на 400 коек. Из 130 должностей по штату управления было 33 медработника. Лагерь № 4 и № 5 с контингентом в 35 000 имели по штату 187 сотрудников (52 из них которых — сотрудники санитарного отдела) и лазареты на 600 коек¹⁵.

Формируемая лагерная структура получила свое формальное закрепление в целостном виде с утверждением Дислокации лагерей и лагерных отделений НКВД для военнопленных по Хабаровскому краю (Приказ начальника УНКВД ХК края № 0125 от 5 октября 1945 г.); документ запрещал комплектование новых, а также расформирование или перемещение объектов-отделений, предусмотренных Дислокацией. В соответствии с Дислокацией, каждый из лагерей представлял собой сеть лагерных отделений (с количеством военнопленных от 500 до 4000), закрепленных за тем или иным хозяйственным объектом (реже — за двумя объектами). Данные объекты находились в ведении различных хозяйствующих субъектов — «хозорганов». В рамках лагерных отделений оборудовалось несколько зон (чаще всего 1–2). Оздоровительные отделения, как правило, закреплялись за совхозами УНКВД, что предполагало более легкие условия труда и лучшее продовольственное обеспечение размещенных там пленных¹⁶.

Уже в конце октября 1945 г. происходит новое расширение лагерной сети. Формируется еще один лагерь — Биробиджанский, со штатом 161 человек и лазаретом на 500 коек (Приказы начальника УНКВД по ХК № 00160 от 29 октября 1945 г.¹⁷ и № 161 от 30 октября 1945 г.¹⁸). С 1 по 15 ноября 1945 г. в состав данного лагеря передаются некоторые лагерные отделения, относившиеся ранее к лагерю № 16, в целях разукрупнения последнего и улучшения руководства удаленными отделениями¹⁹. При этом документы свидетельствуют, что проблема нехватки кадров для укомплектования новых лагерей продолжает оставаться крайне острой: на момент подписания приказов большая часть должностей являлась вакантной. Например, в санитарном отделе Управления Биробиджанского лагеря из 45 должностей укомплектовано было лишь пять, а в оперативном из 18 — две.

Также в октябре 1945 г. происходит расширение штатов ранее сформированных лагерей №№ 16 и 20 (до 161 единицы в каждом), при этом штат санитарных отделов возрастает до 45 человек, а вмес-

¹⁵ Там же. Д. 124. Л. 186–197.

¹⁶ Там же. Д. 127. Л. 118–128.

¹⁷ Там же. Д. 125. Л. 58–61.

¹⁸ Там же. Л. 62–66.

¹⁹ Там же. Л. 92–93.

тимось лазаретов увеличивается до 500 коек²⁰. Указанное обстоятельство косвенно свидетельствует о том, что уже к концу октября в лагерях для военнопленных японцев складывается неблагоприятная санитарно-эпидемиологическая ситуация, резко растет количество больных.

По этим же причинам в ноябре 1945 г. специально для контингентов военнопленных с ослабленным здоровьем формируется оздоровительное лагерное отделение НКВД № 14 на станции Бирокан Дальневосточной железной дороги с лимитом в 1000 коек. (Приказ начальника УНКВД Хабаровского края № 00172 от 14 ноября 1945 г.²¹). Структура этого учреждения в общем была сходной с обычными лагерями для военнопленных, за исключением отсутствия планово-производственного отдела, что свидетельствует о том, что органы НКВД не предполагали привлечения пленных с ослабленным здоровьем к активной хозяйственной деятельности.

Необходимо отметить, что формируемая лагерная сеть развертывалась, как правило, на пустом месте; никаких подготовительных работ заранее не производилось. Само развертывание необходимо было осуществить в сжатые сроки, с тем чтобы разместить и обеспечить всем необходимым личный состав и контингенты военнопленных до наступления сильных холодов (напомним, что климатические условия Хабаровского края достаточно суровые). Объем выполняемых работ по размещению десятков тысяч людей носил без преувеличения гигантский характер. В этой связи, для повышения оперативности в обеспечении формируемых лагерей необходимым имуществом практиковалось создание временных транспортно-складских групп. Например, такая группа при лагере № 16 включала 6 сотрудников, 8 человек рабочей силы и одну грузовую машину. При этом ей мог придаваться по необходимости дополнительный транспорт и грузчики²².

Прибытие в регион десятков тысяч военнопленных существенно осложняло оперативную обстановку. Необходимо было в короткие сроки наладить оперативно-агентурную работу по пресечению возможных побегов или восстаний японцев, формированию в лагерях преступной среды, а кроме того, по выявлению среди личного состава сотрудников, нарушающих права военнопленных.

В целях усиления оперативной работы в местах содержания военнопленных вводятся дополнительные должности переводчиков²³. Также формируются специальные структурные подразделения —

²⁰ Там же. Л. 34–43.

²¹ Там же. Л. 98–99об.

²² Там же. Д. 127. Л. 144–145.

²³ Там же. Д. 125. Л. 54–55.

оперативно-чекистские отделы (ОЧО): Амгуньского Строительства ГУЛЖДС НКВД и лагеря военнопленных № 5²⁴; Ургальского Строительства ГУЛЖДС НКВД и лагеря военнопленных № 4²⁵; Амурского Строительства (Управления) ГУЛЖДС НКВД²⁶; Строительства № 500 НКВД СССР и лагерей военнопленных №№ 1, 3²⁷. В состав каждого из ОЧО, помимо прочих структурных единиц, входило по два агентурных отделения, одно из которых обслуживало заключенных, вольнонаемных работников и служащих ВОХР, а второе занималось работой с военнопленными.

Формирование данных подразделений также осложнялось нехваткой квалифицированных специалистов (переводчиков, машинисток, инструкторов и киномехаников отделений по антифашистской работе, опытных оперативных работников и др.). Так, в ОЧО Амурского Управления ГУЛЖДС НКВД по состоянию на 3 ноября оставались вакантными все четыре должности переводчиков²⁸, аналогичная ситуация имела место и в ОЧО Строительства № 500 НКВД СССР и лагерей военнопленных №№ 1, 3, где на 3 декабря 1945 г. не имелось ни одного переводчика из 7 положенных по штату²⁹.

Кадровую проблему (в ее количественном и качественном аспектах), проявившуюся при формировании лагерной сети для военнопленных японцев в Хабаровском крае, нельзя рассматривать как исключительную ситуацию, она стала закономерным следствием кадрового голода, характерного для органов НКВД по всей стране в период войны, хорошо описанного в отечественной историографии³⁰. На Дальнем Востоке эта ситуация усугублялась характерной в целом для региона нехваткой квалифицированных кадров³¹. В итоге,

²⁴ Приказы начальника УНКВД Хабаровского края № 00138 и № 00139 от 12 октября 1945 г. (АУМВД по ХК. Ф. 40. Оп. 1. Д. 125. Л. 4–8).

²⁵ Приказы начальника УНКВД Хабаровского края № 00140 и № 00141 от 12 октября 1945 г. (Там же. Л. 9–13)

²⁶ Приказы начальника УНКВД Хабаровского края № 00142 и № 00143 от 12 октября 1945 г. (Там же. Л. 14–18об.)

²⁷ Приказы начальника УНКВД Хабаровского края № 00166 и № 00167 от 3 ноября 1945 г. (Там же. Л. 80–91)

²⁸ Там же. Л. 71–75.

²⁹ Там же. Л. 114–117.

³⁰ См. например: *Жадан А.В., Шелудько В.О.* Проблемы отбора и подготовки кадров в органах внутренних дел Приморского края в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Современная научная мысль. 2016. № 4. С. 201–208; *Зыбин С.Ф.* Правовые основы работы с кадрами органов внутренних дел: история и современность // Избранные труды. СПб., 2012. С. 47.

³¹ *Ткачева Г.А.* Оборонный потенциал Дальнего Востока СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Дис. ... докт. ист. наук. Владивосток, 2012. С. 151.

формируемые в спешном порядке новые подразделения, оставались некомплектованными и не могли достаточно эффективно выполнять возложенные на них задачи.

Кадровые подразделения не имели достаточного заранее сформированного резерва на замещение вводимых должностей даже для органов уровня краевого УНКВД. Маловероятно, что причиной отсутствия такого резерва была халатность кадровых работников, скорее всего, его просто не из кого было сформировать. Такая ситуация зачастую приводила к тому, что вакантные должности замещались сотрудниками, по уровню образования, общей культуры, профессиональной компетенции, морально-деловым качествам не готовыми к выполнению возлагаемых на них обязанностей. Как следствие, имели место халатность, нарушения служебной дисциплины, законности и т.п.

Важными задачами формируемой лагерной сети стали обеспечение строгого соблюдения режима секретности, дисциплины среди личного состава и пресечение побегов пленных.

Приказом начальника УНКВД Хабаровского края № 00162 от 1 ноября 1945 г. запрещалась передача по радио открытым текстом или зашифрованных простыми кодами служебных телеграмм, связанных с оперативно-служебной деятельностью лагерей НКВД для военнопленных (о численности военнопленных, о передислокации лагерей и т.д.). Передачу такого рода сведений предписывалось производить служебными кодами по проволочному телеграфу, а в отсутствии такой связи производить по радио устойчивым шифром. Для передачи такого рода телеграмм вводились условные обозначения, адреса и подписи отправителей³².

Руководство краевого УНКВД строго реагировало на выявляемые случаи нарушения законности в отношении японских военнопленных, которые, безусловно, имели место, в особенности учитывая качество кадрового состава лагерей. Так, приказом № 0165 от 22 декабря 1945 г. за дискредитацию офицерского звания, пьянство и незаконное изъятие у пленных ценных вещей были уволены из органов НКВД и преданы суду военного трибунала трое сотрудников лагеря № 17, в том числе начальник отдела охраны и режима лагеря майор Курочкин³³.

Следствием вышеописанных кадровых и дисциплинарных проблем стала сложившаяся уже осенью–зимой 1945 г. неблагоприятная ситуация с побегами японских военнопленных.

³² АУМВД по ХК. Ф. 40. Оп. 1. Д. 125. Л. 67.

³³ Там же. Д. 127. Л. 180.

Целый ряд документов (материалов проверок, приказов о дисциплинарных взысканиях и др.) свидетельствует о крайне неудовлетворительной организации режима охраны японцев. Зоны, предназначенные для содержания военнопленных, зачастую не были оборудованы должным образом (например, могли отсутствовать вахты, внутренние и предупредительные зоны; колючая проволока могла быть плохо натянута, территория зоны не расчищена от кустарника, отсутствовало ночное освещение и т.д.). Ежедневные проверки военнопленных не проводились, последние могли иметь при себе опасные предметы. В ряде случаев охранные команды самоустраивались от несения службы, доверяя ее самим японцам. Руководители некоторых лагерных отделений волонтаристскими решениями, без согласования с вышестоящим руководством, передавали военнопленных хозорганам. Начальники лагерных управлений зачастую фактически не контролировали ситуацию на местах³⁴. Некоторых пленных иногда просто отпускали погулять в близлежащие населенные пункты, где они могли принимать участие в пьянках с местным населением³⁵. В целом среди личного состава лагерей царил «беспечность, благодушие и мнение, что японцам бежать некуда»³⁶.

Такое положение дел не могло не привести к большому числу побегов пленных. Так, за сентябрь 1945 г. из лагеря № 16 бежало 3 человека; из лагеря № 17 произошло 3 побега (9 человек); из лагеря № 1 — 3 побега (9 человек); из лагеря № 18 — 1 побег (2 человека)³⁷. За период с 1 по 15 октября 1945 г. было зарегистрировано уже 13 случаев побегов военнопленных японцев (всего сбежало 32 человека)³⁸.

Побеги японцев нередко сопровождались нападениями на конвоиров, захватом оружия, ограблением и убийствами местных жителей, в том числе женщин и детей³⁹.

В целом, с сентября по декабрь 1945 г. в документах УНКВД по ХК прослеживается следующая тенденция: количество побегов военнопленных растет, оперативная ситуация в регионе ухудшается. Риторика приказов краевого УНКВД становится жестче, требования к режиму содержания военнопленных и личному составу лагерей ужесточаются⁴⁰.

³⁴ Там же. Л. 110, 147.

³⁵ Там же. Д. 131. Л. 100.

³⁶ Там же. Д. 127. Л. 110.

³⁷ Там же. Д. 125. Л. 20.

³⁸ Там же. Л. 45.

³⁹ Там же. Д. 125. Л. 20, 45-47; Д. 126. Л. 113.

⁴⁰ Там же. Л. 21, 45-47.

Ценный исторический материал содержат документы НКВД, описывающие условия труда и быта японских военнопленных, известные в историографии не только по источникам документального характера⁴¹, но и по мемуарной литературе⁴².

Материалы проверок рисуют нам неблагоприятную картину условий содержания пленных японцев осенью–зимой 1945 г. Отмечаются неподготовленность жилых помещений к зиме, скученность пленных, нарушения санитарных и противопожарных условий их размещения; плохо организованное и некачественное питание (по причинам медленного развертывания пищеблоков, перебоев с доставкой продуктов, халатности руководства и тыловых служб и т.д.); недостаточное проведение санитарно-профилактических и лечебных мероприятий, иногда вовсе отсутствующее медицинское обслуживание, приводящие к массовым случаям заболеваний (в том числе, брюшным тифом) и обморожений; нехватка теплой одежды, медикаментов, постельного белья, простейших предметов обихода (например, ведер) и т.д.⁴³

Сложившаяся ситуация во многом объяснялась уже упомянутой нехваткой квалифицированных и ответственных кадров на местах. Например, октябрьская проверка лагерных отделений №№ 12 и 13 лагеря НКВД № 16 показала, что начальник этих отделений Петренко от руководства самоустранился, переложив свои обязанности на молодых офицеров. В результате в отделениях отсутствовал учет военнопленных, нарушались режим содержания и пропускной режим. Вечерние и утренние проверки не проводились. Питание пленных было организовано плохо, медобслуживание не налажено. Личный состав отделений не знал своих обязанностей. Данная ситуация показательна тем, что даже таких нерадивых сотрудников, как упомянутый Петренко не хватало, последний помимо своего отделения, исполнял обязанности начальника соседнего. И не менее показательно мягкое наказание: строгий выговор, которое получает данный руководитель, фактически разваливший службу во вверенных ему подразделениях⁴⁴. Такая мягкость дисциплинарной

⁴¹ См., например: Драгунова Л.В. На седьмом озере // Родина. 2010. № 9. С. 37–40; Морунца П.А. Условия содержания японских военнопленных на Дальнем Востоке // Вестник Сахалинского музея. 2018. № 1 (25). С. 89–96.

⁴² Киучи Н. Записки японского военнопленного // Бывший воздушный десант — URL: <http://kiuchi.jpn.org/ru/nobindex.htm> (дата обращения: 23.04.2020).

⁴³ АУМВД по ХК. Ф. 40. Оп. 1. Д. 125. Л. 51–53, 102; Д. 127. Л. 166–168, 184–185 и др.

⁴⁴ Там же. Д. 125. Л. 51–53.

практики была не редкостью для дальневосточных органов НКВД периода 1941–1945 гг.⁴⁵, и объясняется она невозможностью заменить нерадивого сотрудника на какого-либо другого.

Однако помимо кадровой проблемы необходимо учитывать и состояние экономики региона на конец 1945 г. Годы войны стали периодом «социального шока» для дальневосточного общества⁴⁶: население региона страдало от дефицита продуктов питания и предметов первой необходимости, не хватало исправной техники, горючего, рабочих рук и много другого.

Со всеми этими проблемами при развертывании лагерной сети для военнопленных столкнулись и тыловые службы УНКВД по ХК: неисправная техника, отсутствие запчастей, падеж тяглового скота, сложности в получении продовольствия и простейших предметов обихода и т.д. Таким образом, слабая экономическая база региона просто не позволяла быстро и эффективно решить столь масштабную задачу, как, фактически, строительство с нуля мест для размещения десятков тысяч человек.

Справедливости ради стоит отметить, что условия жизни японских военнопленных было ненамного хуже, чем у многих дальневосточников послевоенной эпохи, а в сравнении с положением населения пострадавших от войны западных областей страны, возможно даже лучше. При этом личный состав лагерей для военнопленных в рассматриваемый нами период, как показывают материалы проверок, зачастую весьма скудно обеспечивался, размещался и нес службу в таких же тяжелых условиях, что и охраняемый ими контингент японцев⁴⁷.

Надо отдать должное тому, что руководство УНКВД по ХК с самого начала прибытия военнопленных японцев старалось держать на контроле ситуацию по их надлежащему размещению и обеспечению. Первый приказ такого рода (№ 0114) датирован 17 сентября 1945 г.⁴⁸ По материалам проверок давались методические указания по исправлению имеющихся недостатков, следовали взыскания в отношении должностных лиц, допустивших халатность⁴⁹. В резолютивной части приказа начальника УНКВД по ХК № 0153 от 28

⁴⁵ Жадан А.В. Особенности дисциплинарной практики в органах внутренних дел Приморского края в 1941–1945 годах // Символ науки. № 3. 2016. С. 82–84.

⁴⁶ Ващук А.С. Выход дальневосточного сообщества из социального шока военного времени // Россия и АТР. 2010. № 2. С. 63–75.

⁴⁷ АУМВД по ХК. Ф. 40. Оп. 1. Д. 125. Л. 102.

⁴⁸ Там же. Д. 127. Л. 108.

⁴⁹ Там же. Д. 127. Л. 137–138, 166–168, 171–173, 184–185 и др.

ноября 1945 г. ставилась задача обеспечения в жилых помещениях для пленных «уют, тепла и порядка»⁵⁰, что свидетельствует о максимально гуманном отношении (с учетом имеющихся материальных ресурсов) к японским военнопленным со стороны руководства краевого НКВД. Напомним, что гуманное отношение к военнопленным в СССР являлось краеугольным камнем их политико-идеологического перевоспитания⁵¹.

Подводя итоги исследования, мы можем задать вопрос: в каком состоянии лагерная сеть для военнопленных на территории Хабаровского края вступала в первый послевоенный год?

К этому времени обозначился круг проблем: неудовлетворительное состояние мест размещения японцев, большое число побегов пленных, их высокая заболеваемость и смертность. Данная ситуация была обусловлена целым рядом факторов объективного свойства: 1) слабость невоенных секторов советской послевоенной экономики, отсутствие в регионе в достаточном количестве необходимых материально-технических ресурсов; 2) широкий масштаб выполняемых работ по развертыванию лагерей в совокупности с короткими сроками, обусловленными наступлением холодов; 3) недостаток квалифицированных кадров (управленческих, медицинских и т.д.) для укомплектования личного состава лагерей; 4) отсутствие подготовленных заранее помещений, материальных ресурсов, кадровых резервов (что объяснимо, в том числе, секретным характером действий советской стороны по подготовке войны с Японией и скоротечностью самой военной кампании); 5) неожиданно большое количество захваченных военнопленных.

Оказавшись в такой затруднительной ситуации, руководство краевого НКВД проявляло максимальные усилия, направленные на укрепление дисциплины среди личного состава лагерей, пресечение незаконных действий в отношении пленных японцев, обеспечение надлежащего режима охраны, создание благоприятных условий в местах содержания военнопленных, обеспечение их необходимой медицинской помощью.

⁵⁰ Там же. Л. 168.

⁵¹ См., например: *Бондаренко Е.Ю.* Политика Советского государства по идеологическому перевоспитанию японских военнопленных на Дальнем Востоке России в послевоенные годы // *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке.* 2017. № 3 (41). С. 41–48; *Серебренников С.В.* Политическая работа среди японских военнопленных в лагерях НКВД–МВД Сибири и Дальнего Востока СССР (обзор отечественной историографии) // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики.* 2016. № 12-3 (74). С. 161–166.

References

Bondarenko E. *Inostrannyye voyennoplennyye na Dal'nem Vostoke Rossii 1914–1956 gg. Istorioografiya problemy* [Foreign Prisoners of War in the Russian Far East in 1914–1956. Historiography of the Issue] // *Rossiya i ATR*. 2003. № 1 (39). P. 99–113.

Bondarenko E.Yu. *Politika Sovetskogo gosudarstva po ideologicheskomu perevospitaniyu yaponskikh voyennoplennykh na Dal'nem Vostoke Rossii v poslevoyennyye gody* [The Soviet Policy of the Ideological Reeducation of Japanese Prisoners of War in the Russian Far East in the Post-war Years] // *Gumanitarnyye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke*. 2017. № 3 (41). P. 41–48.

Dragunova L.V. *Na sed'mom ozere* [On the Seventh Lake] // *Rodina*. 2010. № 9. P. 37–40.

Khodyakov M.V. *Inostrannyye voyennoplennyye Velikoy Otechestvennoy voyny v lageryakh NKVD–MVD Estonii v 1944–1949 gg.* [Foreign Prisoners of the Great Patriotic War in the Camps of the NKVD–MVD of Estonia in 1944–1949]. Saint Petersburg: Bumazhnyye knigi, 2016. 320 p.

Kim S.P. *Yaponskiye voyennoplennyye na territorii Sovetskogo Soyuz (1945–1956 gg.)* [Japanese Prisoners of War in the Territory of the Soviet Union (1945–1956)]. PhD Candidate in History Diss. Moscow: IRI RAN, 2016. 291 p.

Morunova P.A. *Usloviya sodержaniya yaponskikh voyennoplennykh na Dal'nem Vostoke* [Detention Conditions of Japanese Prisoners of War in the Far East] // *Vestnik Sakhalinskogo muzeya*. 2018. № 1 (25). P. 89–96.

Regional'nyye struktury GUPVI NKVD–MVD SSSR. 1941–1951: Otchetno-informatsionnyye dokumenty [Regional Structure of the GUPVI NKVD–MVD of the USSR. 1941–1951: Information Reports] / Comp. by M.M. Zagorul'ko, S.G. Sidorov, N.S. Tarkhova, E.M. Tsunayeva; ed. by M.M. Zagorul'ko. Volgograd: Izdatel', 2005. 1088 p.

Serebrennikov S.V. *Avtoreferaty dissertatsiy o yaponskikh voyennoplennykh v SSSR (1945–1956 gg.) kak istoriograficheskiy istochnik* [Abstracts of Dissertations about Japanese Prisoners of War in the USSR (1945–1956) as a Historiographic Source] // *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*. 2016. T. 8. № 6-2. P. 66–73.

Serebrennikov S.V. *Politicheskaya rabota sredi yaponskikh voyennoplennykh v lageryakh NKVD–MVD Sibiri i Dal'nego Vostoka SSSR (obzor otechestvennoy istoriografii)* [Political Work among Japanese Prisoners of War in the Camps of the NKVD–MVD of Siberia and the Far East of the USSR (Review of Domestic Historiography)] // *Istoricheskiye, filosofskiy, politicheskoye i yuridicheskoye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki*. 2016. № 12-3 (74). P. 161–166.

Shabel'nikova N.A., Zhadan A.V. *Na strazhe zakona: dal'nevostochnaya militsiya v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [To Guard the Law: the Far East Militia during the Great Patriotic War] // *Istoricheskiye chteniya na Lubyanke. Otechestvennyye spetssluzhby v voynakh i vooruzhennykh konfliktakh XX veka (k 75-letiyu Velikoy Pobedy): Materialy XXIII mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Historical Workshop on the Lubyanka. Domestic Security Services in Wars and

Armed Conflicts of the 20th Century (to the 75th Anniversary of the Great Victory): Acta of the 23rd Int. Academic Conference]. Moscow: Frontkniga, 2019. P. 343–350.

Sidorov S.G., Tsunayeva E.M. *Osnovnyye polozheniya dlya razrabotki bazy dannykh po lageryam dlya voyennoplennyykh NKVD–MVD SSSR* [The Basic Provisions for the Development of a Database of the Camps for Prisoners of War of the NKVD–MVD of the USSR] // *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*. Series 4: *Istoriya. Regionovedeniye. Mezhdunarodnyye otnosheniya*. 2007. № 12. P. 138–142.

Tkacheva G.A. *Oboronnyy potentsial Dal'nego Vostoka SSSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1945)* [The Defense Potential of the Far East of the USSR during the Great Patriotic War (1941–1945)]. Doctor in History Dissertation. Vladivostok: Institut istorii, arkhologii i etnografii narodov Dal'nego Vostoka DVO RAN, 2012. 562 p.

Vashchuk A.S. *Vykhod dal'nevostochnogo soobshchestva iz sotsial'nogo shoka voyennogo vremeni* [The Far Eastern Community's Way out of the Wartime Social Shock] // *Rossiya i ATR*. 2010. № 2. P. 63–75.

Zhadan A.V. *Militsiya Primor'ya v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: k voprosu ob istoriografii problemy* [Primorye Militia during the Great Patriotic War: On the Historiography of the Issue] // *Velikaya Otechestvennaya i Vtoraya mirovaya voyny: dal'nevostochnoye izmereniye: Materialy mezhdunarodnogo foruma, posvyashchennogo 70-letiyu Pobedy ... Vladivostok, 19–21 oktyabrya 2015 g.* [The Great Patriotic War and World War II: the Far East Dimension: Materials of the Int. Forum Dedicated to the 70th Anniversary of the Victory... Vladivostok, October 19–21, 2015]. Vladivostok: Dal'nevostochnyy federal'nyy universitet, 2015. P. 128–135.

Zhadan A.V. *Osobennosti distsiplinarnoy praktiki v organakh vnutrennikh del Primorskogo kraya v 1941–1945 godakh* [Features of Disciplinary Practice of the Internal Affairs Bodies in Primorsky Krai in 1941–1945] // *Simvol nauki*. № 3. 2016. P. 82–84.

Zhadan A.V., Shelud'ko V.O. *Problemy otbora i podgotovki kadrov v organakh vnutrennikh del Primorskogo kraya v period Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1945 gg.)* [Problems of Recruiting and Training of Personnel in the Internal Affairs Bodies in Primorsky Krai during the Great Patriotic War (1941–1945)] // *Sovremennaya nauchnaya mysl'*. 2016. № 4. P. 201–208.

Zybin S.F. *Pravovyye osnovy raboty s kadrami organov vnutrennikh del: istoriya i sovremennost'* [Legal Basis of Work with Personnel of Internal Affairs Bodies: History and the Present Day] // Zybin S.F. *Izbrannyye trudy*. Saint Petersburg: Yuridicheskiy tsentr–Press, 2012. 474 p.

Поступила в редакцию
3 марта 2020 г.